

СОЛОМЕЯ ЛЮТОВА

КУДА УХОДИТ СОЛНЦЕ?

ПОВЕСТЬ

Соломея Лютова

Куда уходит солнце? Повесть

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24051081

ISBN 9785448515019

Аннотация

«Куда уходит солнце?» Об этом мы часто спрашиваем себя, вспоминая о детстве, о его ярких красках и неповторимых, сказочных впечатлениях. Куда уходит солнце детства? «Наверно, уходит оно вслед за чёрными и белыми лебедями, плывущими над морем в сказочную страну, обгоняя перевернутого Ивана-царевича, за мячом, однажды улетевшим в небо». Не стоит забывать и об истории рода, благодаря которой и создаётся, словно мозаика, уникальный мир детства – перепутье волшебства и реальности.

Содержание

Куда уходит солнце?	5
Глава первая. Фотография	5
Глава вторая. Терлецкие пруды	7
Глава третья. Загадочный язык	10
Глава четвёртая. Раёк	13
Глава пятая. Отправляясь в плаванье	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Куда уходит солнце? Повесть

Соломея Лютова

Иллюстратор Соломея Лютова

© Соломея Лютова, 2017

© Соломея Лютова, иллюстрации, 2017

ISBN 978-5-4485-1501-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Куда уходит солнце?

Повесть

*Песни прощальные, гавани дальние
В жизни у каждого сказка своя.
(Н. Н. Добронравов)*

Глава первая. Фотография

На книжной полке в моей комнате стоит цветная фотография, на которой запечатлена я.

Я сижу у окна за письменным столом и что-то калякаю красной ручкой в альбоме для рисования.

На мне надеты розовые колготки и светло-кремовая футболка. Мои ноги ещё не достают до пола, и на стуле я сижу в позе лягушонка.

У меня отвлечённый взгляд – меня запечатлели в тот момент, когда я не ожидала этого. Но я помню тот момент, тот короткий эпизод из моей жизни.

Меня фотографировал отец: он попросил меня посмотреть в объектив и улыбнуться.

Я посмотрела в объектив, но не улыбнулась: я была слишком увлечена своим занятием – рисованием.

На снимке у меня светло-русые детские жиденькие воло-

сѐнки – мне там не больше трёх лет.

Сквозь тонкие белые шторы с узором в виде больших голубых цветов пробиваются солнечные лучи, падая на подоконник, и по нему тянутся косые тени от оконных рам.

Комната оклеена теми старыми обоями с васильковым орнаментом. Фотография проникнута светлым, радостным и сказочным настроением...

Как же мне хочется снова оказаться у солнечного окна, запечатлённого на фотографии, сесть на подоконник, откинуть лёгкие белые шторы с голубыми цветами и увидеть зелёную улицу, весну, заросшую кустами и травой территорию детского сада, автобусную стоянку с маленькими жёлтыми автобусами, которых теперь уже нет.

Теперь всё по-другому, хотя, вроде бы, всё то же самое – и улица, и автобусная стоянка, которая виднеется из окна, и даже стол, за которым я сижу на той фотографии, всё тот же и стоит на том же месте: у окна в моей комнате.

Но всё это – другое.

Время существенно изменило и мою комнату, и улицы, да и саму меня тоже. Я давно уже не та маленькая девочка в розовых колготках с рассеянным взглядом карих глазёнок.

И я заметила, что в последнее время мне не хватает солнца, солнечного света, а тогда его было много.

Мне тогда казалось, что солнце светит всегда; я почти не помню тёмных, дождливых и пасмурных дней.

Глава вторая. Терлецкие пруды

Мне запомнились только солнечные дни с ясным лазурным небом.

В такие дни мы с мамой или бабушкой, а иногда и с отцом, ходили гулять в лесопарк, название которого я хорошо знала – Терлецкие пруды, а дома его называли просто – «Терлецкие».

Бывало, скажут мне:

– Пойдём на «Терлецкие» гулять!

Мы начинали собираться, а потом шли в крупный лесопарк с пятью прудами.

Один пруд такой большой, что на его берегу разместилась спасательная станция.

Раньше в четырёх прудах можно было купаться, и только в одном из них стояла мутная и грязная вода.

Это был самый дальний пруд, в котором собачники купали своих любимцев.

За это мы с мамой прозвали этот пруд собачьим, а на самом деле он назывался «Утиный», и это тоже было верно.

Здесь всегда гнездились утки, потому что этот пруд был самым тихим, и на нём было меньше народу, чем на остальных.

Этот пруд был живописным – по его берегам росли раскидистые толстые дубы, камыши и околводные шаровидные

ивовые кусты, в которых, помимо уток, обитали другие птицы: сороки, дрозды, вездесущие воробьи и сойки.

На этом пруду есть небольшие островки, поросшие осокой и ивняком.

Зимой можно добраться до этих островов по льду, но летом это идеальное убежище для уток, со всех сторон окружённое водой.

Раньше на Терлецких прудах водились почти одни кряквы, а гоголи – небольшие уточки с жёлто-зелёными глазами, тогда были редкостью.

Они пугались людей, а ещё их притесняли кряквы.

Увидеть гоголя на каком-нибудь из прудов для нас с мамой означало увидеть маленькое чудо, особенно весной, когда самцы гоголей контрастно окрашены в чёрно-белый цвет.

Впрочем, мне нравились и обыкновенные кряквы – они были по-своему красивы, особенно селезни с блестящими фиолетово-зелёными головами и жёлтыми клювами.

Кроме прудов, в лесопарке есть множество дорожек и тропинок, ведущих в тихие лесные уголки.

Во многих местах ещё сохранился природный ландшафт, хотя, конечно, человек испортил его.

Тогда, во время моего раннего детства, тихих и умиротворённых уголков было значительно больше, нежели сейчас, а людей и мусора – меньше.

В жаркую летнюю пору на берегах прудов не валялось

столько загорающих людских тел, а зимой можно было свободно кататься на горках, не дожидаясь очереди...

«Терлецкие» для меня были чем-то большим, нежели просто местом для прогулок и отдыха.

Пойти на Терлецкие пруды для меня было всё равно, что отправиться в сказочную страну, где обязательно случится пусть маленькое, но чудо.

Однажды, когда мы зимой пошли туда с отцом, на асфальтированной площадке, которая находилась недалеко от «собачьего» пруда, бродили девушки в синих сарафанах и в кокошниках, ездили на лошадях витязи в доспехах и остроконечных шлемах.

Конечно, это было всего лишь какое-то костюмированное представление, но для меня в детстве это было настоящим чудом.

Я потом часто рассказывала маме и бабушке, как мы с папой были на «Терлецких», а там ходили «Василисы» и богатыри.

Глава третья. Загадочный язык

Наверно, у всякого ребёнка был свой тайный язык. В нём есть названия предметов из окружающего мира, а может быть, и живых существ. Причём этот детский язык прекрасно совмещается с обычным языком, с помощью которого общаются все люди.

Я уж не берусь говорить за всех детей, но у меня этот язык был, и, к тому же, был очень богатым.

В нём имелись существительные, прилагательные, наречия; словом, все части речи – может быть, кроме местоимений и числительных.

До десяти лет я помнила многие слова из своего языка, но потом стала забывать и забыла окончательно.

Однако я запомнила принцип, по которому возникает такой своеобразный язык.

Это не просто «детский лепет», это – какие-то определённые ассоциации, возникающие в голове у ребёнка, когда он познаёт мир и пытается объяснить по-своему разные события и явления.

А поскольку у ребёнка не хватает опыта и словарный запас ещё скудный, то и возникают разнообразные бессознательные ассоциации, которые выражаются в словесной форме.

Из своей жизни я запомнила два случая, когда я изобрела очередные слова для своего языка.

Когда мы отправились с отцом на прогулку, я увидела неизвестную мне маленькую серую птичку.

У этой птички была красноватая грудка с зелёным отливом, а на крыльях – белые крапинки.

Я с любопытством наблюдала, как птичка ходит по земле и что-то выискивает, а потом говорю отцу:

– Вон, смотри, «каколниста»!

– Кто-кто? – с удивлением переспросил отец.

– «Каколниста», – повторила я, показывая пальцем на птичку.

Отец захохотал, а я не поняла, почему.

Он сфотографировал «каколнисту», а потом, не переставая хохотать, объяснил мне, что эта птичка зовётся зябликом.

Теперь я и сама смеюсь, когда смотрю на фотографию того самого зяблика, которого я тогда окрестила странно и смешно.

Другой случай пополнения моего детского словаря произошёл дома, когда я шарила за креслом и искала там какую-то свою игрушку, а вместо неё обнаружила там старую мамину босоножку.

Это была чёрная кожаная босоножка на невысокой подошве и с завязками с нанизанными на них цветными бусинками.

Я вытащила босоножку из-за кресла и, показав её маме, воскликнула:

– Мам, смотри, «удуис»!

Мама с улыбкой посмотрела на меня.

– Что? – спросила она.

– «Удуис»! О, вот и второй, – я вытащила вторую босоножку. – Вот они, «удуисы».

Другие босоножки я не называла «удуисами». Такое слово у меня возникло в голове только при виде тех чёрных босоножек с завязками и цветными бусинками.

Позднее слова для моего языка я изобретала из реально существующих в русском языке слов, а не просто из абстрактных ассоциаций, и уже могла вполне разумно объяснить, почему я то или иное слово придумала.

Ну, например, когда я впервые услышала мурлыканье кошки, я назвала кошку «звероверочная».

Всё это потому, что мне слышалось в кошачьем мурлыканье фраза «звери верят».

И если я вряд ли смогла бы объяснить, почему я назвала зяблика «каколниста», то в данном случае я могла объяснить происхождение слова «звероверочная».

Потом к словам из моего детского языка начали прибавляться слова из обычного русского языка, и так предметы окружающего мира приобретали у меня двойное название, а позже, когда русский язык стал в моём словаре доминировать, детский – напрочь забылся.

Глава четвёртая. Раёк

В раннем детстве я мало общалась со сверстниками.

Они были мне неинтересны – разноцветные толпы шумных детей.

Меня никогда не тянуло к ним, мне нравился мой маленький и замкнутый мирок, и я не представляла себе другого.

Я просыпалась рано, и утреннее солнце заливало мою комнату.

Я взбиралась на подоконник и подолгу смотрела в окно, наблюдала за жизнью улицы.

Улица бежала и двигалась – по ней торопливо шли прохожие: старушки, мамы с детьми и колясками, школьники с рюкзаками, собачники, мужчины в деловых костюмах.

Изредка проезжали машины; хрипели и сипели на стоянке за гаражами автобусы, и до меня доносился запах бензина. Наш двор находился между автобусной стоянкой и заросшей обширной территорией детского сада, которая была ограждена забором из сетки «рабица».

Двор наш был тогда очень зелёным – в нём росло множество деревьев и кустарников, а некоторые из них растут и по сей день.

Перед самыми окнами высятся стройные чёрно-белые стволы берёз с длинными ветвями.

Осенью берёзы и прочие деревья во дворе – клёны, ясени,

тополя окрашиваются в золотисто-жёлтые, пурпурные, алобагровые и охряные цвета.

Сначала, где-то в начале сентября, изменение цвета листвы происходит местами, не полностью, как будто загадочный гигантский богач-скряга начинает выбрасывать на зелёный ковёр из своего сундука драгоценности, чтобы полюбоваться на них – но сначала осторожно, маленькими горсточками, и через них ещё просвечивает зелень ковра.

А потом, видимо, роскошный блеск и красота драгоценностей овладевают этим богачом всё сильнее и сильнее, и он начинает рассыпать направо и налево золото, рубины, шпинель, опалы, вылетают из сундука и алая парча, и красный бархат.

И к середине октября и земля, и деревья сияют благородными, слегка приглушёнными цветами драгоценностей: богач любит их ими.

А потом, к ноябрю, богач снова потихоньку складывает свои драгоценности в сундук, налюбовавшись на них.

Летом и поздней весной наш двор окрашен в сочные и тёплые зелёные оттенки с добавлением позолоты – солнечного света.

С раннего утра, как только шаловливые солнечные лучи начинают бегать по листьям, щебечут птицы, и их голоса начинают звучать не сразу, а постепенно, один за другим.

Сначала слышится тоненький и слабый голосок какой-то маленькой птички, за ним следует другой – уже более гром-

кий, затем третий, и так к полудню набирается уже целый ансамбль.

Где-то, совсем недалеко, в ветках тополя, кричит и постукивает дятел, тенькает синица и верещит воробей.

По берёзам лазает поползень, ищет насекомых в трещинках стволов.

Тогда ещё не было в нашем дворе цветных с резными спинками скамеек, стоящих на круглой площадке с мелкой щебёнкой.

Была только маленькая деревянная шаткая скамеечка да толстый ствол поваленного дерева.

На этой скамеечке и на стволе под зелёной сенью клёнов, тополей и ясеней, сидели пожилые пьяницы – жильцы нашего дома.

Они обменивались анекдотами, вели какие-то бесконечные беседы, иногда выносили шашки и шахматы, играли, потягивая спиртное и беря закуску, разложенную на газете.

Временами к ним заходили другие забулдыги из соседних дворов; становилось веселее; кто-то приносил гармошку, и её ноющие звуки разносились довольно далеко по окрестностям.

Из всех пьяниц мне запомнился дядя Петя – наш сосед с первого этажа, который и зимой, и летом носил серо-коричневую фетровую шляпу и никогда её не снимал.

Этажом ниже, в соседнем подъезде, жила сумасшедшая старуха Машка, которая ругала с балкона всех тех, кто, по её

мнению, нарушал общественный порядок.

– Что это такое?! Безобразие какое! Сволочи! – орала она хрипловатым голосом.

У Машки было постоянно перекошенное от злости лицо с маленькими чёрными и пустыми глазками.

Тогда у Машки и её взрослого сына, с которым она жила, был большой чёрный пёс породы ризеншнауцер.

Когда Машкин сын уходил на работу, пёс подолгу и задуновыно выл на балконе, задрав голову и сложив губы трубочкой.

Машка не выводила его гулять – она не могла с ним справиться, потому что он рвался с поводка и норовил убежать.

Вот он и выл, скучая по хозяину и по прогулке.

Летом Машка выходила во двор и орала во дворе, либо сажала цветы в палисаднике и ухаживала за ними.

Она ревностно охраняла свои цветы, и боже упаси, если кто-нибудь наступал на них. Сразу выливался на голову целый поток ругательств:

– Сволочь! Безобразие какое! Здесь нельзя ходить! Зачем цветы топчешь?! Я сейчас милицию позову! Всё, иду в милицию звонить!

Она и правда звонила в милицию, которая, естественно, никак не реагировала на сообщения вроде тех, что дети бегают по газону или кто-то ставит машину в неположенном месте.

Машка орёт до сих пор, теперь ещё вдобавок стучит

по балкону, и засыпает милицейский участок своими бесконечными звонками.

Опираясь на костыль и слегка прихрамывая, из нашего подъезда выходила древняя старушка – баба Аня, живущая на первом этаже.

У неё была пушистая белая с рыжими и чёрными пятнами кошка Муська, которая целые дни проводила на улице.

Вечером она сидела в подъезде на коврикe перед входной дверью квартиры бабы Ани.

Баба Аня не знала, что Муська вернулась, и иногда ей приходилось сидеть долго, прежде чем открывалась дверь.

Иногда соседи звонили в квартиру бабы Ани, чтоб та выпустила кошку. Временами соседям открывал сумасшедший сын бабы Ани, который лишился разума из-за травмы на работе.

– А, киску, – говорил он, шаркая ногами и шлёпая губами. – Давайте киску...

Рядом с бабой Аней жила тётка Маринка – большая сплетница, любительница выпить и болтушка, которая знала всё про всех.

Плакат «Не болтай!» был в советское время создан именно для таких, как тётка Маринка.

У тётки Маринки было две дочери, которые улыбались, глядя на меня, маленькую. Одна из них, Таня, подарила мне плюшевого утёнка с жёлтыми лапами и жёлтым клювом, когда мы с мамой заглянули к тётке Маринке в гости.

Во дворе соседнего подъезда нашего дома стояли скамейки со спинками.

На них с утра до вечера сидели три толстые старухи, которые сплетничали между собой и обсуждали каждого выходящего из подъезда соседа.

В холодную погоду они прогуливались со скоростью улиток вокруг дома, не переставая сплетничать.

Иногда к ним подходили другие старухи, и их беседа становилась более оживлённой.

Когда я выходила на балкон и заглядывала за его край, я видела целое море зелёных листьев, по которым бегали солнечные зайчики.

На ветках берёз перед окном сидели толстые сизые голуби с переливающимися грудками и красноватыми радужками.

А в лазурно-бирюзовом небе летали небольшой стайкой домашние белые голуби, которые жили в голубятне за автобусной стоянкой – там, где кончалась территория детского сада.

Голубятня эта и до сих пор стоит, и белые голуби по-прежнему вылетают из неё.

Каждое утро хозяин выпускал голубей, и они до заката скользили по небу, и мне тоже хотелось иметь крылья, чтобы взмыть ввысь и последовать за ними.

Однажды я завернулась в белую прозрачную штору, висящую у открытого балкона, и представила, что это крылья.

Я закрыла глаза. Лёгкий весенний ветерок, веющий с бал-

кона, обдувал меня.

Вдруг мои ноги начали отрываться от деревянного порожка у балкона, я постепенно, плавно стала подниматься в воздух, взмахивая крыльями...

Вот я уже за краем балкона, лечу над зелёным морем курстарников, оглядываясь на окна нашей квартиры на третьем этаже в серой кирпичной пятиэтажке – «хрущёвке».

Белые голуби уже совсем близко, я вижу их кроткие чёрные глаза-бусинки, поджатые грубые лапки с коготками и маховые перья...

Видение уплыло.

Я снова стояла у балкона, завёрнутая в белую занавеску. Но тогда я не поверила, что это было всего лишь видение.

Просто вовремя вернулась домой.

«Никто не должен знать, – подумала я, – что я умею летать».

Таким был мой маленький раёк.

Глава пятая. Отправляясь в плавание

Отца я знала мало: он ушёл в другую семью, когда мне было три года. В другой семье он произвёл на свет мою единокровную сестру Олю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.